

Анна Удовикова

Буржуй

Повесть

18+

Анна Владимировна Удовикова

Буржуй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54164257

SelfPub; 2020

Аннотация

Время и место описываемых событий – октябрь 1917 года, Петроград. Проснувшись поутру с тяжелой похмельной головой, пан Смальтышевский обнаруживает, что мир вокруг изменился, и нет возврата к старой жизни.

Глава 1. Октябрь 1917 года

Который день слух и душу терзали непрекращающиеся в городе беспорядки. Шумели, волнуясь, толпы митингующих. Ораторствовали – пламенно и косноязычно. Поодиночке и хором горланили революционные песни и отвратительно скабрзные частушки, от которых Евгений Осипович краснел как гимназист. Стенали и проклинали: то царя, то новую власть.

Постреливали, и не всегда для остратки. Иной раз, с осторожностью выглянув из-за узенькой щелочки в плотных занавесях, прочно обосновавшихся на окнах квартиры с октября месяца, пан Смальтышевский, против воли, с ужасом утыкался взглядом в страшное, красное, через несколько часов посмертно укрываемое саваном снега или смываемое дождем.

Теперь за окном разрезал вздернутые нервы женский визг, за которым, куражась и улюлюкая, гнались пьяные мужские голоса. Евгений Осипович, морщась в неприятном предчувствии, подошел к окну и, таясь за занавеской, выглянул на улицу. По безлюдной Дворянской, крича, бежала молодая женщина в распахнутом пальто с сорванным с одного плеча каракулевым воротником. Модная шляпка, слетевшая с растрепанной головы, беспомощно катилась прямо под ноги революционным матросам. Алые банты, распустившиеся в петлицах, торжественно вопили: «Ныне мы – закон!»

Рассеянно понаблюдав за происходящим, Евгений Осипович поднял голову и увидел все то же: ненавистное ему серое петроградское небо. Где-то далеко, в солнечных воспоминаниях, подул теплый морской бриз, праздничным галопом пронеслись широкие, вечнозеленые холмы, утыканные узкими кипарисами и аккуратными белыми домиками, и хор легких детских голосов тоненько пропел:

...Все бегут они на Запад,
Уплывает вдаль Неаполь...

«Бежать, бежать из проклятого города, – в который раз подумал он. – Тоска. Смерть».

Смальтышевский тщательно сомкнул занавески и, не обращая более внимания на крики за окном, углубился внутрь комнаты, погруженной в холодную, нетопленную предзимнюю темноту. Повалившись на диван прямо в ботинках и в неснимаемом ни днем, ни ночью и оттого слегка засалившемся пальто, он произнес вслух:

«Ничего. Уже скоро. Завтра».

Он давно мог бы рвануть за границу, спасая жизнь, но нищее, полуголодное существование в блестящей Европе несколько не привлекало его. Привыкшему к роскоши и хорошему обществу, пану Смальтышевскому требовались деньги – хотя бы на первые месяцы! – в течение которых он надеялся обрасти нужными связями и знакомствами.

Евгений Осипович не был оригинален, начиная восхождение к богатству. Имея приятную наружность, дарованную природной, и успешно обрамляя ее лоском светского человека, Смальтышевский пользовался большим успехом у дам бальзаковского возраста, благосклонно одаривающих его не только любовными объятиями. К несчастью, чувства женщин непредсказуемы и капризны, поэтому предусмотрительный пан, неожиданно для себя, обнаружил блестящие организаторские способности в деле ограбления богатых домов, именно тех, где удаивался части проводить время за карточным столом либо на ложе немолодых, но страстных любовниц.

В подробнейших планах, составленных им, были скрупулезно указаны места расположения тайников и ценностей, комнат хозяев и прислуги, а также подходящие время и пути отступления.

Работая с проверенными профессионалами, собственноручно выпестованными из мелких квартирных воришек, Евгений Осипович подолгу и вдумчиво готовил каждую операцию. В ночь перед предстоящим делом в его квартире, расположенной на 4 и 5 этажах в доме № 25 по улице Дворянской, собирались все члены шайки. Темными улочками и подворотнями, из разных концов города, словно шарики ртути, притянутые магнитом, они стекались к дому, быстро и незаметно прошмыгивали через черный ход и поднимались в квартиру. Снова и снова повторяли последовательность дей-

ствий, обговаривали малейшие нюансы и возможные варианты развития ситуаций. Евгений Осипович любил предусматривать любую мелочь. Не принимая непосредственного участия в грабежах, долю пан имел немалую и хранил ее прямо в квартире, в специально оборудованной для этих целей тайной комнате, служившей также секретным ходом на чердак, с которого, в свою очередь, имелся выход на спаянные друг с другом питерские крыши.

Первый опыт ограбления, имевший место около 7-ми лет назад в Риме, чуть было не окончился для Евгения Осиповича тюрьмой. Чересчур интимная дружба с пожилой итальянской герцогиней, щедро распахнувшей перед молодым повесой сердце, кошелек и палаццо в венецианском стиле, показалось тому достаточным основанием для бессрочного и тайного заимствования у сей особы банковских билетов на круглую сумму и нескольких драгоценных безделушек.

Избежать последствий удалось немедленным бегством; отныне Вечный Город был закрыт для Евгения Осиповича навсегда. Опасаясь преследования со стороны Фемиды, пан Смальтышевский обратил свою гладковыбритую, лоснящуюся польскую особу в заросшую округлой щеткой бороды постную физиономию и, изменив таким образом внешность почти до неузнаваемости, поехал искать счастья в медвежьем углу Европы – в России. Против ожиданий, он нашел местное общество вполне приличным. После одной-двух встреч в грязном петербургском притоне на Сенной Евгений

Осипович превратился в пана Костецкого с неистребимым польским акцентом и фальшивыми рекомендациями.

Завязав в Петербурге дружеские знакомства и нужные связи, Евгений Осипович сумел зарекомендовать себя хорошо воспитанным и в меру остроумным молодым человеком, благодаря чему регулярно получал приглашения на баккару в лучшие дома.

Нескончаемые карточные неудачи пан сносил смиренно, разводя руками с интеллигентной, несколько виноватой улыбкой, словно извиняясь за свой проигрыш. Еще более сконфуженным он выглядел, когда, виртуозно ведя партию к своему, казалось бы, провалу, он вдруг заканчивал ее, снимая изряднейший куш, искусно делая вид, что неожиданный его успех – всего лишь случайность. Партнеры, порядочно прохуdiv кошельки, снисходительно посмеивались над недо-тепой, которому наконец-то улыбнулась удача. Смальтышевский выслушивал шуточные, покровительственные поздравления и тихо рдел, как бы от смущения и незаслуженного удовольствия.

Вместе с тем Евгений Осипович был человеком осторож-ным и к подобным жульническим экзерсисам прибегал ред-ко, в случае крайней нужды, справедливо опасаясь подозр-ний в нечистой игре.

Да и то сказать: при разнообразных, но – увы! – нерегуляр-ных источниках доходов, имеющихя у Евгения Осиповича, денег катастрофически не хватало. Пан предпочитал жить на

широкую ногу: арендовал роскошный 3-этажный особняк на Невском проспекте, содержал личный экипаж и имел большой штат прислуги, включая французского повара, готовившего модно и невкусно.

Впрочем, от былого великолепия ничего, ровным счетом ничего не осталось. Пышный особняк в стиле «барокко» с подпирающими фасадные балконы кариатидами был изуродован и разграблен в дни беспорядков, с новой силой навалившихся на Петроград осенью 1917 года.

Мятежные ветры гнали на город мутные волны взбудораженных политическими идеями, и каждая следующая волна была разрушительней предыдущей. Точно врытая в землю тяжелая гранитная глыба, безучастная к овевающим ее ветрам и бьющей по гладким бокам стальной воде, город стоял недвижимо, пока, наконец, черная февральская вода, нахлынув, не подмыла под ним почву. Утратив устойчивость, он зашатался и к концу октября мучительно рухнул, похоронив под собой существующий порядок вещей и привычный жизненный уклад. Новый мир несся на всех парах, захватывая жизнь стремительно и беспощадно.

В историческую ночь, когда большевистский спрут, выбравшийся на поверхность, дерзко схватил Петроград за горло, Евгений Осипович, искрясь выпитым шампанским, вернулся домой поздно, почти под утро, и завалился спать. Проснувшись на следующий день, он обнаружил, что прислуга, включая французского повара, конюха и прощелы-

гу-управляющего, разбежалась, прихватив с собой все, что показалось ей ценным. Небольшая пачка денег, брошенная паном Смальтышевским накануне в незапертый секретер, как и следовало ожидать, исчезла.

Обливаясь тревожным похмельным потом, Евгений Осипович бросился к сейфу, безошибочно набрал сложную комбинацию и уставился внутрь. Из глубин сейфа, с тихим издевательским ржанием, в лицо ему неслась благоухающая кучка конских яблок, заботливо разложенная на клочке сена.

Евгений Осипович отшатнулся, как от удара, и, держась за стены и предметы обстановки, на подгибающихся ногах побрел в кабинет, где застал относительный порядок: неграмотная прислуга презирала книжную ученость. Упавши в кресла, пан протянул руку за книжную полку, не глядя достал оттуда початую бутылку бренди и крепко приложился к горлышку. Через некоторое время, потребовавшееся разоренному, но не сломленному карточному шулеру, грабителю и пройдохе на то, чтобы допить бренди и прийти в себя, он энергично встал, быстро оделся и, проверив документы на имя Смальтышевского, к счастью, оставшиеся при нем, навсегда покинул особняк.

Глава 2. Путь на Дворянскую

То, что произошло с паном в дальнейшем, начиная с того момента, как он закрыл за собой дверь особняка и заканчи-

вая тем, как упал перед парадной дома № 25 по улице Дворянской, помнилось ему неравномерно мелькающими клочками.

Итак, повернувшись лицом к улице, Евгений Осипович решительно воскликнул:

– На Дворянскую! – и оглянулся, выискивая взглядом свободного извозчика. Ни свободного, ни занятого в зоне видимости не обнаружилось, и Смальтышевский быстрым шагом направился в сторону Петроградской стороны, намереваясь сесть на «ваньку» по пути.

Поскальзываясь в вязкой уличной грязи, пан влился в светливую столичную сутолоку и торопливо лавировал между порхающими обрывками разговоров. Щебетали о новых фасонах платьев в «Пассаже»; солидно обнадеживались новейшим чудо-средством для ращения волос и бород; сдавленным шепотком летело неприличное слово «люэс», а вслед за ним веселее и громче – столовая.

Мальчишки-газетчики со всех сторон поливали толпу громким криком:

– Оскандалившийся на взятках генерал взят под арест! – неслось справа;

– Несравненная Теда Бара, женщина-вамп в фильме «Кровавая роза»! Спешите видеть! – слева;

– Надеть на большевиков железные намордники! – толкало в спину;

– Шаляпин в Мариинском! – слышалось на углу Думской.

Дразня и жая, новости назойливыми мухами кружились над публикой.

Невский проспект, по обыкновения, спешил по своим делам, не замечая ни холодного морозящего дождя, перемежающегося со снегом, ни угрожающе нацеливающихся на него примет времени: грузовых автомобилей с грозно выставленным наружу лесом винтовок и револьверов; разведенных посреди мостовых костров с вооруженными пикетами; обломков баррикад, наспех сооруженных и наспех же сдвинутых на обочины улиц; захлебывающихся речей агитаторов и скандирующих толп под разноцветными росчерками лозунгов; учащающихся грабежей, поджогов и погромов.

Лихо подмигивая, из подворотен и тюрем, солдатских окопов и конспиративных квартир, ночлежек и притонов уже вылезал Петроград новый: заросший лохматыми, овшивленными бородами; тифозный и надсадно кашляющий; в насквозь продуваемом грязном тряпье.

Скоро, скоро сгинет навеки сегодняшняя беззаботная толпа, и загудит темная людская сила, запляшет пьяно Петроград посреди разметавшихся мусорных куч, заплачет под веселую гармошку, задрожит, клацающая зубами, под пламенные речи!

Равнодушно отмахиваясь от происходящего, толпа продолжала шествовать, словно это происходящее было не стоящей внимания нелепой случайностью, через которую легко перешагнуть размеренной поступью повседневности.

Задумавшись, пан не заметил, как дошел до Екатерининского канала. Отсюда было рукой подать до квартиры: миновать Марсово поле и перейти через Неву.

На всякий случай еще раз осмотревшись в поисках извозчика и не заметив вокруг никакого транспорта, кроме медленно ползущего переполненного электрического трамвая, Евгений Осипович завернул за угол и прямо в ухо ему громко крикнуло:

– Временное правительство низложено! Воззвание гражданам России!

– Дай-ка сюда, братец! – сказал пан и взял протянутый ему листок. Раскрыв его, он быстро пробежал глазами написанное и в конце, под воззванием, увидел короткую странную подпись – то ли фамилию, то ли кличку, то ли еще что... не разберешь: «Ленин».

– А это кто такой, черт бы его побрал? – пробормотал пан и, нащупав в кармане единственную завалящую монетку, швырнул ее мальчишке и пошел дальше. Не успел он сделать нескольких шагов, как был вынужден остановиться.

Словно разбойничий шлагбаум, поваленный перед богатым обозом, путь Евгению Осиповичу перекрыла выставленная поперек хода красная, растрескавшаяся рука, сложенная «лодочкой».

– Подай, барин! – жалобно проныл гнусавый, булькающий голос. Смальтышевский взглянул в сторону просящего и увидел безногого калеку с синюшным, насквозь испытанным

лицом, вставленного в ящичек на деревянных колесах.

Брезгливо сморщившись от отвратительного запаха, исходящего от нищего, пан хотел было обойти протянутую руку, как, откуда ни возьмись, навстречу ему выпрыгнул улыбающийся просительно лохматый мужичок с копной свалывшейся бороды на грязном лице, одетый, несмотря на холод, в рваную холщовую рубаху на голое тело и босиком. Синие тихими, ясными, ласковыми глазами, мужичок кланялся и, указывая двумя руками на безногого, просительно тянул:

– Сжался над калекой, батюшка! Христом-Богом молим ты! Подай, батюшка!

Евгений Осипович, не глядя ни на инвалида, ни на ласкового мужичка, сделал еще один шаг в сторону, намереваясь обойти протянутую руку и вставшего у него на пути, но тут калека громко и страшно заклокотал:

– Подай, гнида! – и схватил пана за пальто грязной, заско-рузлой клешней.

Пан брезгливо дернулся – рука не отпускала. Зло вцепившись в полу пальто, инвалид катился за Смальтышевским, громыхая деревянными колесами о камень мостовой. Мужичок с копной – его синие глаза потемнели – кланяясь, семенил рядом с паном и, густо брызгая слюной, скороговоркой повторял:

– Подай, барин! Христом-Богом молим! Подай!

Терпение пана лопнуло. Широко размахнувшись рукой, одетой в блестящую черную лайковую перчатку, он изо всех

сил оттолкнул от себя безногого. Ящичек на колесах перевернулся, и оттуда, обмотанный в коричневые, гнилые тряпки, вылетел, взмахнув руками, точно птица, собирающаяся подняться в воздух, несчастный калека.

Глухо стукнувшись головой о мостовую, он упал под ноги расступившимся прохожим и с ненавистью прохрипел:

– Сволочь буржуйская!

Евгений Осипович попятился и бросился бежать. На секунду мелькнуло перед ним неласковое, искаженное яростью лицо со вздыбившейся вверх лохматой копной.

Лица и спины, мостовая, дома и небо в низких тучах бешеной каруселью кружилось перед Евгением Осиповичем, а сзади, едва пробиваясь через оглушительно пульсирующий в ушах ток крови, толкало:

– Бей буржуя!

К крикам «Бей буржуя!» немедленно присоединились другие:

– Долой буржуазию!

– Да здравствует монархия!

– Долой власть и капитализм!

– Анархия – мать порядка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.